

Ничего не поделаешь, любопытство терзало его уже несколько дней, и он во что бы то ни стало хотел докопаться до истины.

Цзи Шэньюй, разбуженный грохотом в дверь, зарылся головой под подушку, но бандит по ту сторону двери вышиб её, ворвался внутрь, с глухим стуком уселся на край кровати и начал тыкать его сквозь одеяло.

— Живо вставай, — Дин Ханьбай был силен, а его напор — еще сильнее. Он надавил Цзи Шэньюю на поясницу так, что, казалось, захрустели кости. — Чем ты тут занимался все эти дни, запершись в четырех стенах? Если не отчитаешься, на этой неделе можешь даже не мечтать о душе.

Цзи Шэньюй, прикрыв поясницу рукой, услышав слово «душ», тут же нашелся:

— Тогда я пойду в Хуацинчи, в сауну.

Он перевернулся и сел, сбрасывая с себя остатки сна; взгляд его стал ясным и пронизательным. Дин Ханьбай, сидевший на расстоянии полувывтянутой руки, наклонился, принялся, нахмурился и округлил глаза:

— От тебя уже несет! Кислятиной! Меня сейчас стошнит!

Тон и выражение лица парня были настолько правдоподобными, словно он и вправду вот-вот выдаст содержимое желудка. Лицо Цзи Шэньюя мгновенно вспыхнуло, он растерянно сжимал край одеяла, колеблясь:

— Я не потел. Я сейчас же иду мыться.

Дин Ханьбай, словно актер сычуаньской оперы, мгновенно сменил гнев на милость, поднял руку, преграждая путь:

— Я сказал, нельзя. Сначала выкладывай, что ты тут скрывал все это время.

Разговор снова зашел в тупик. Цзи Шэньюй не понимал, то ли от него действительно пахнет, то ли Дин Ханьбай его дурит. Он нырнул под руку парня и, оказавшись на полу босиком, бросил:

— Я закрыл дверь и делаю что хочу. Даже мастер не лезет, а ты и подавно не имеешь права...

Дин Ханьбай вспыхнул:

— Перестань прикрываться Дин Яньшоу, это не работает! Это мой двор, и все, что ты здесь

делаешь, подлежит моему контролю. — Он поднялся, заставляя парня отступить. — Решил поиграть в тайны? С сегодняшнего дня обедать в переднем дворе запрещено, будешь сидеть здесь и есть в своей комнате!

Цзи Шэньюй смутно чувствовал, что Дин Ханьбай понимает только мягкий подход, но страха перед ним не испытывал, а потому, закусив удила, огрызнулся:

— Не пойду и не надо! У меня аппетит пропадает, когда я ем рядом с тобой, меня тоже сейчас стошнит!

Дин Ханьбай с грохотом захлопнул дверь, которая теперь опасно качалась на петлях. Цзи Шэньюй, остуженный ворвавшимся потоком воздуха, только теперь осознал, насколько по-детски они выглядели. Впрочем, обида уже была нанесена, и, по крайней мере, до выходных тот точно не будет к нему лезть.

И хорошо, хоть какая-то тишина.

Цзи Шэньюй принялся убираться в комнате, напевая старинную янчжоускую мелодию, которую так любил Цзи Фансюй. Закончив, он принял душ и переоделся — и он сам, и комната словно преобразились. В последние два дня стояла сырость, и селадоновая ваза должна была дойти до кондиции к понедельнику, поэтому он просто прихватил домашнее задание на лето и отправился в Юй Сяоцзи присматривать за лавкой.

Сын оказался не из легких, придется задобрить отца.

Наступил понедельник, небо прояснилось, а вот лицо Дин Ханьбая — нет. Бросив на ходу, что вечером у него встреча, он ушел на работу.

Цзи Шэньюй не спеша выбрал одежду, надел самый солидный наряд, бережно уложил селадоновую вазу в рюкзак и направился прямо на антикварный рынок Даймао. Это был его второй визит. Сохраняя невозмутимый вид, он дважды обошел рынок, купил бутылку газировки и, найдя свободное, хорошо освещенное место, разложил товар.

Вскоре подошел молодой человек и спросил:

— Что это за грязная ваза?

Цзи Шэньюй сделал глоток газировки и закатил глаза так, что позавидовал бы любой актер:

— Ничего особенного. Не загораживай свет.

В таких местах не всегда понятно, кто перед тобой — знаток или дилетант, но последний

обычно выдает себя сразу. Разогнав зевак, он подстелил старую газету, сел по-турецки и стал ждать настоящего покупателя.

Вскоре мимо проходила пожилая дама с аккуратно уложенными серебристыми волосами, чьи жемчужные серьги мягко поблескивали. Она остановилась:

— Ой, надо бы надеть очки, чтобы получше разглядеть.

Окружающие обратили на них внимание — эта дама была постоянной клиенткой, любительницей старинных украшений. Цзи Шэньюй не мог понять, стоит ли она внимания, поэтому, широко открыв глаза, нарочито высокомерно осмотрел её.

Дама спросила:

— Малыш, расскажешь что-нибудь о своем товаре?

Цзи Шэньюй ответил:

— У нас дома антиквариата полно, я просто взял первое, что попало в шкаф, чтобы подзаработать на карманные расходы.

Дама добродушно улыбнулась:

— Если дома столько антиквариата, да и одет ты по моде, неужели не хватает на расходы?

— На экзаменах завалился, отец денег не дает, — Цзи Шэньюй скорчил гримасу и стукнул бутылкой газировки о вазу. — Знающие люди и так поймут, что вещь стоящая. Дешево не отдам, иначе отец узнает и задаст мне взбучку.

Пока они говорили, подошел мужчина в очках и с портфелем, на вид очень интеллигентный. Он присел, взял вазу за горлышко, ощупал узор и скovyрнул грязь в углублениях:

— Эта грязь явно не из шкафа взялась.

Цзи Шэньюй невозмутимо ответил:

— Отец сказал, что она такой и была при покупке. Было бы странно, если бы она была идеально чистой.

Некоторых это убедило. Мужчина начал тщательно осматривать вазу со всех сторон. Цзи Шэньюй опустил глаза, притворяясь равнодушным, хотя внутри все сжалось. Те осколки были

подняты со дна океана, и грязь на них — настоящие известковые отложения. С точки зрения материала ваза была безупречна, вопрос был лишь в его мастерстве.

— Будете брать? — спросил он. — Если нет, нечего тут лапать.

Мужчина проигнорировал его и продолжал любоваться:

— Глазурь снаружи неровная, немного желтит.

Если начинают придирааться, значит, хотят сбить цену, а если хотят сбить цену — значит, вещь приглянулась. Цзи Шэньюй взглянул на желтизну. А как ей не желтеть? Подходящих осколков селадона не было, пришлось использовать что есть.

— Если бы не желтела, стоило бы задуматься о подлинности. Она пожелтела, потому что долго пролежала в море.

Мужчина ничуть не удивился и, обращаясь к толпе, подтвердил:

— Верно. Это вещь, поднятая со дна моря, скорее всего, эпоха Цин.

Дама тут же спросила:

— И сколько она стоит?

Мужчина усмехнулся:

— Несмотря на сохранность, форма простая, а поверхность с дефектами. Дорого стоять не может.

Цзи Шэньюй тоже усмехнулся. Ему нужны были деньги на подарок для Дин Ханьбая, времени на сложную работу не было, так что мужчина был прав.

— Берете? — он поднял три пальца. — Вот столько.

Тридцать тысяч. Мужчина посмотрел ему в глаза:

— Тринадцать тысяч.

Цзи Шэньюй отвернулся:

— Посмотрел — положи на место, не загораживай свет.

Мужчина опешил от такого отношения, а дама рассмеялась:

— Этот ребенок не привык торговаться, он просто карманные деньги меняет.

Мужчина повторил:

— Тринадцать тысяч — не продашь? Кто-то другой и десяти не даст.

Цзи Шэньюй махнул рукой, демонстрируя полное нежелание продолжать разговор. Мужчина встал и ушел, за ним потянулась дама и остальные зеваки. Цзи Шэньюй провожал мужчину взглядом, видя, как тот бродит по рынку, иногда останавливаясь, но больше не наклоняясь к прилавкам.

Он понял: холод — лишь временное явление.

В полдень солнце палило нещадно. В кабинете Бюро по охране культурных реликвий кондиционер работал без передышки. Зазвонил телефон — вице-директор потребовал документы. Дин Ханьбай сбегал в кабинет начальника, отнес их и вернулся на место, подставляя лицо прохладному воздуху.

Остыв, он спросил:

— Глава группы, начальник в отпуске?

Чжан Инь не пришел на работу, он лично отправился в аэропорт встречать эксперта и, устроив того, так и не вернулся — законный прогул. А сейчас он преспокойно прогуливался по антикварному рынку Даймао.

На этом рынке девяносто девять процентов — подделки, но каждый надеется найти сокровище. Чжан Инь сделал круг и снова остановился прямо перед Цзи Шэньюем. Морской антиквариат — он только что привез партию из Фуцзяни, и все те экспонаты, что сейчас в музее, были отобраны им лично.

Что это значит? Это значит, что он не мог ошибиться. Он был абсолютно уверен: ножка, горлышко и ободок вазы были выполнены по всем правилам, в точности как те, что он видел. А что касается налета — он был уверен в нем еще больше, этот запах моря он не забудет никогда.

Цзи Шэньюй сосал леденец, задрал голову, и молчал.

Обычно бедняки, нуждаясь в деньгах, охотнее снижают цену. Цзи Шэньюй же был полной противоположностью: дорогая одежда, старинный янтарный кулон на рюкзаке, газировка, леденцы. Он играл роль избалованного сына, который ворует антиквариат ради карманных денег, и если сумма его не устраивала, он даже не удостоивал собеседника взглядом.

— Тридцать тысяч без торга — и вещь останется у тебя в руках, — наконец заговорил Чжан Инь. — Подумай, прав я или нет?

Цзи Шэньюй ответил:

— Хорошо, пусть будет тринадцать. — Увидев, как лицо Чжан Иня просияло, он добавил: — Брат, я не дурак, не надейся.

Они начали торговаться. Каждый шаг — минус восемь-десять тысяч. Тринадцать тысяч Чжан Иня были абсурдом, он просто пытался надурить мальчишку, а тридцать тысяч Цзи Шэньюя были завышенной ценой с запасом на торг.

Они спорили так долго, что привлекли внимание прохожих. Чжан Инь, боясь, что кто-то перехватит добычу, в итоге согласился на двадцать три тысячи. Цзи Шэньюй потребовал наличные. Они пошли к банку рядом с рынком — словно специально для удобства сделок.

В банке все прошло безопасно. Цзи Шэньюй отдал вазу и ушел. Проходя мимо переулка, он услышал крики, и следом из него выскочил человек, сбил его с ног и бросился наутек.

Между внешней стеной рынка и банком был узкий переулок, где торговали мелкие торговцы. Старик, сидевший у стены со старой сумкой, был весь в крови, он сжался в комок и хрипло кричал:

— Грабят среди бела дня! Украли деньги на лечение!

Весь переулок пришел в движение. Цзи Шэньюй, стоя у входа, крепче сжал лямки рюкзака и бросился в погоню. Грабитель, в панике, вместо того чтобы подняться на мост, рванул прямо к перекрестку.

Цзи Шэньюй увидел, как двое дорожных полицейских подставили грабителю подножку. Сумка упала на землю, раздался звон — и сердце Цзи Шэньюя разбилось.

Сумку вернули, но квадратная ваза с сапфировой глазурью и ушками в форме слонов внутри превратилась в осколки. Он вернулся к старику, который сидел на ступенях банка.

— Дедушка... — начал он, не зная, что сказать. — Тот человек упал.

Сумку открыли. Старик смотрел на осколки, качая головой. Кровь и слезы смешались на его лице, он схватился за живот и мелко дрожал. Цзи Шэньюй поспешно поддержал его:

— Он ударил вас, когда грабил? Нужно в больницу!

В этот момент из банка вышел человек и направился прямо к ним:

— Где вещь?

Оказалось, кто-то договорился о покупке, но пока человек ходил за деньгами, его ограбили. Цзи Шэньюй кивнул на сумку. Сердце ныло. Хоть он и не был великим экспертом, но знал: у подделок всегда есть изъяны. А та ваза была безупречна, она стоила не меньше семидесяти-восьмидесяти тысяч.

Мужчина взорвался:

— Мы же договорились, что ты подождешь, пока я сниму деньги! Как это случилось?! Ты мне заплатишь!

Старик прошептал:

— У меня нет денег...

— ...Твою мать! — выругался тот. Заядлый коллекционер, он видел только вещь, и когда добыча уплыла из рук, он потерял всякий стыд и разум.

Цзи Шэньюй вытирал кровь из носа старика. Он не умел ругаться, но невольно вспомнил Дин Ханьбая. Когда мужчина, вдоволь наоравшись, ушел, он довел старика до дороги, поймал такси — раз уж взялся помочь, нужно довести дело до конца, хотя бы до больницы.

Обследование показало страшное: помимо травм, у старика был рак.

Цзи Шэньюй понял, что означали слова «деньги на лечение». Когда пришло время платить по счету, он не раздумывал. Двадцать три тысячи растаяли больше чем наполовину. Он сидел у постели, вытирал старику лицо, руки и заметил, что на правой руке у того шесть пальцев.

— Моя фамилия Лян, Лян Хэчэн, — сказал старик. — Я родился с шестью пальцами, надеюсь, не напугал тебя?

Цзи Шэньюй покачал головой:

— Дедушка, как мне связаться с вашими родными?

Старик ответил:

— Я одинок, тебе не стоило со мной возиться.

Цзи Шэньюй помолчал, достал оставшиеся деньги, оставил себе триста юаней, а остальное сунул под подушку:

— Дедушка, я побуду с вами до вечера, а деньги оставьте себе.

Старик заплакал:

— Как я могу взять твои деньги? Я должен вернуть тебе плату за больницу...

— Мой мастер говорил... — Цзи Шэньюй осекся, вспоминая, что придется объяснять, и поправился: — Мой отец говорил: золото, что ушло, вернется, но если можешь помочь, а не помог — будешь жалеть всю жизнь.

Старик снова спросил:

— Малыш, откуда у тебя с собой столько денег?

Старик был слишком жалок, и Цзи Шэньюй не смог лгать. Он рассказал все как есть, про то, как сделал селадоновую вазу. Так, в разговорах, наступил вечер.

Попрощавшись, он с пустым рюкзаком сел в такси. В голове проносились кадры прошедшего дня, и в конце осталась лишь пустота. Выйдя на остановке Чиванфу, он столкнулся с Дин Ханьбаем. Тот возвращался с вечеринки, от него слегка пахло алкоголем.

Цзи Шэньюй наконец увидел родную душу — ну, если не родную, то хотя бы знакомую.

Столько хлопот, пальцы до сих пор болят, а в итоге — всего триста юаней.

Как это называется? Как черпать воду бамбуковой корзиной — все впустую.

Цзи Шэньюй почувствовал себя таким обиженным:

— Старший брат...

Дин Ханьбай замер, раздумывая: они разве не поссорились? Не припоминал, чтобы они помирились... Может, он перепил? В это мгновение Цзи Шэньюй подошел к нему, поднял голову, с такой мольбой в глазах, словно просил утешения.

Дин Ханьбай приобнял его за затылок, на этот раз рассчитывая силу, нежно погладил и тихо спросил:

— Что случилось?

Цзи Шэньюй чувствовал себя виноватым:

— Я не могу подарить тебе подарок.

Дин Ханьбай не ожидал такого ответа и безапелляционно заявил:

— Это не пойдет. Ты обещал, так что давай прямо сейчас. Что сказал, то и должен дать.

Цзи Шэньюй запаниковал, ожидая, что тот начнет его мучить.

В итоге Дин Ханьбай снова потрепал его по волосам:

— Ладно, просто улыбнись.

Царская улица была старой, фонари светили тускло, растягивая тени и оставляя на лицах лишь слабые отсветы. Улыбка Цзи Шэньюя вышла неестественной, белые зубы блеснули, но уголки рта дрогнули не так, как обычно.

Они шли плечом к плечу, шаг за шагом, дошли до главных ворот, поднялись по ступеням, прошли через передний двор к их маленькому дворику, дошли до коридора у спальни и одновременно остановились, глядя друг другу в глаза.

Ветра не было, аромат сирени застыл в воздухе, перебивая запах алкоголя от Дин Ханьбая.

— Спи иди, считай, что подарок ты отдал, — сказал Дин Ханьбай. — Ну что, я внимателен к тебе?

Цзи Шэньюй уже открыл дверь:

— Внимателен... Спасибо, старший брат.

Дин Ханьбай добавил:

— Не стоит. Впредь поменьше спорь со мной.

Они разошлись по комнатам. Дин Ханьбай так и не узнал, что Цзи Шэньюй делал все эти дни, запершись в комнате, и почему был так подавлен. А Цзи Шэньюй пошел на уступку и даже пожелал спокойной ночи — в общем, старые обиды были забыты.

Луна зашла, солнце взошло. Дин Ханьбай чуть не опоздал, завтракал на ходу, задев при этом булочку Цзи Шэньюя. На работу он все равно пришел с опозданием — ну и ладно, в худшем случае Чжан Инь поворчит.

Дин Ханьбай приготовился к критике, но Чжан Инь расхаживал по кабинету с чашкой чая, а потом встал у окна, словно праздновал какое-то событие. Дин Ханьбай склонился над работой, как вдруг почувствовал тяжесть на плече. Он поднял голову и встретился с улыбающимся лицом Чжан Иня.

— Что-то случилось? — удивился Дин Ханьбай. Сегодня этот тип был сам не свой.

Чжан Инь спросил:

— Ты же хвастался, что одной ногой в антикварном кругу? Ходил по городским рынкам?

Дин Ханьбай ответил:

— Ходил. Вход-то бесплатный.

Чжан Инь с присущей ему провокационной ухмылкой спросил:

— И что, нашел какое-нибудь сокровище?

Дин Ханьбай ответил:

— Там нет ничего настоящего. — Он понял: тот спрашивает не просто так, наверняка что-то урвал. И точно, Чжан Инь похлопал его по плечу и поманил за собой.

Как только дверь кабинета начальника закрылась, Дин Ханьбай увидел в центре стола селадоновую вазу. Чжан Инь сиял, ожидая, что тот скажет: «Восхищен». Дин Ханьбай наклонился, рассматривая вазу со всех сторон. Чжан Инь даже дал ему фиолетовый фонарик, уверенно заявив:

— Хватит болтать, покажи, что умеешь.

Дин Ханьбай не сводил глаз с вазы, забыв даже о спорах.

— Ну что? — давил Чжан Инь. — Видишь, настоящая или нет?

Дин Ханьбай видел. Форма, клеймо — все было в порядке, а грязь на ней служила убедительным доказательством того, что это подлинная ваза эпохи Цин, поднятая со дна моря. Но его терзали сомнения: он странным образом чувствовал, что она ему знакома, словно где-то он её уже видел.

Конечно, видел — это ведь те самые осколки, которые он выбросил.

И, конечно, не видел, потому что Цзи Шэньюй держал все в строжайшем секрете, пока не продал.

Налюбовавшись, Чжан Инь выставил его за дверь. Дин Ханьбай, уже выходя, обернулся:

— На каком рынке купил? Как выглядел продавец?

— Даймао, — ответил Чжан Инь. — Продавец — какой-то транжира, поменял на карманные деньги, вряд ли снова придет, так что ты опоздал.

До самого конца рабочего дня мысли Дин Ханьбая были прикованы к этой вазе. Почему именно Чжан Инь нашел её? Он был подавлен, так подавлен, что чуть не проехал на красный свет.

Но в глубине души закралось сомнение: а точно ли это хорошая вещь? Он хотел взглянуть еще раз, сердце не на месте.

А вот Чжан Инь был на седьмом небе от счастья. Он отправился в старый район Чуншуй, плутая среди обшарпанных серых стен и узких переулков. У дома №57 стояла ручная тележка, заваленная хламом. Внутри дома и во дворе тоже было полно всякого мусора.

Чжан Инь вошел:

— Есть кто дома?

Из комнаты вышел старик в майке, не говоря ни слова и не глядя на гостя, он сначала запер дверь. Чжан Инь сел на стул и язвительно заметил:

— Охраняешь от родного сына, как от вора, не устал?

Старик повернулся. На самом деле он был не таким уж старым, от силы шестьдесят, волосы стояли дыбом, словно от ярости. Тело еще крепкое, но левый глаз был мутным, прикрытым — он был слеп.

Люди звали его Слепой Чжан, никто не знал, что его зовут Чжан Сынянь.

— Не устал заходить ко мне после работы? — спросил Чжан Сынянь, подходя к тазу помыть руки. — Зачем пришел? Сдавать хлам?

Услышав «хлам», Чжан Инь вскипел. Он поднялся:

— Гнить в этой дыре, собирая мусор, — куда мне деть лицо? Снаружи хлам, внутри подделки. Что ты будешь делать, когда тебе исполнится восемьдесят и ты не сможешь даже тележку толкать?!

Чжан Сынянь дернул густыми бровями:

— А что делать? Как ноги протяну, если хочешь — отвези на тележке к подножию диких гор и закопай, и дело с концом.

Видя, что дело идет к ссоре, Чжан Инь сменил тон, достал из сумки селадоновую вазу и при тусклом свете сказал:

— Бог с тобой, посмотри на это.

Чжан Сынянь стоял на месте:

— Просто посмотреть?

Чжан Инь усмехнулся:

— Хочу обменять на маленькую курильницу из печи Гэ.

Он был уверен в успехе. За полтора года он приходил трижды, потратил сбережения за четыре-пять лет, и каждый раз его выставляли за дверь, называя вещи подделками. На этот раз все иначе, он был уверен: старик без лишних слов пойдет открывать дверь во внутреннюю комнату.

Чжан Сынянь действительно не проронил ни слова, достал ключи и пошел открывать замок. Чжан Инь, глядя ему в спину, закипал от ярости:

— С одним глазом видит подлинники, а был бы другой — давно был бы миллионером, а ты —

собираешь хлам!

Замок щелкнул. Чжан Инь вышел наружу. Внутри была кровать, стол, стулья, а вокруг — сплошной антиквариат. У него разбежались глаза, но и злость взяла — не отличить, где правда, а где подделка, он чувствовал, что Чжан Сынянь — сумасшедший.

Чжан Сынянь открыл ящик, достал маленькую десятисантиметровую курильницу и, совершая обмен, спросил:

— Где взял?

Чжан Инь, уходя, бросил:

— Продавать или оставить — решай сам.

Занавеска колыхнулась, свет проник внутрь и снова погас. Чжан Сынянь подошел к столу и небрежно бросил селадоновую вазу, будто это был стакан или палочки. Он закрыл глаза — и не скажешь, что слепой — и, отбивая такт, запел оперную арию «Заимствование восточного ветра».

<http://bllate.org/book/19144/1880220>